

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука — Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1 (24)
ВЕСНА
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- Сборник заклинаний-*дхарани* из Хара-Хото в Сериндийском фонде ИВР РАН. Предисловие, транслитерация, примечания
С.Х. Шахмадова 5
- И.В. Богданов*. Надпись $d\dot{s}tj/k\dot{s}.j-nfr(.j)$ в Вади Хаммамат 25

ИССЛЕДОВАНИЯ

- А.Г. Грушевой*. Арабы-христиане Палестины и Сирии в изображении должностных лиц Императорского Православного Палестинского общества рубежа XIX–XX вв. 64

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов*. Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. IV. В поисках пальмирских текстов: первые европейские путешественники в Тадморе 78

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- Ю.А. Иоаннесян*. Ценные находки рукописей священных текстов бабизма и религии бахаи в собраниях Санкт-Петербурга 97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов, М.А. Редина-Томас*. Государство и международные отношения на Древнем Востоке. Конференция памяти В.А. Якобсона (Санкт-Петербург, 23–24 сентября 2015 г.) 107
- В.В. Щепкин* Международный семинар к 150-летию Д.М. Позднеева «История российско-японских отношений: источники, коллекции, проблемы изучения» (Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.) 112

Издание осуществлено
при поддержке
Ассоциации выпускников
Санкт-Петербургского
государственного университета

-
- Т.В. Ермакова, Е.П. Островская.* Девятые Всероссийские востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга (Санкт-Петербург, 23–24 ноября 2015 г.) 114
- Т.А. Пан.* Дальневосточный семинар Отдела Дальнего Востока ИВР РАН в 2014–2015 гг. 120

РЕЦЕНЗИИ

- Jacob P. Dalton.* The Taming of the Demons. Violence and Liberation in Tibetan Buddhism. — New Haven; London: Yale University Press, 2011. — 311 p. (*А.В. Зорин*) 123
- Catalogue of Japanese Manuscripts and Rare Books. Merete Pedersen // The Royal Library, Copenhagen, Denmark. Catalogue of Oriental manuscripts, Xylographs, etc. in Danish Collections (COMDC). Volume 10.1. — Nordic Institute of Asian studies. — 446 p. (*К.Г. Маранджян*) 125
- Топоров В.Н.* Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. — М.: РГГУ, 2012. — 216 с. (*С.Л. Бурмистров*) 127
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биогр., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014. (*Р.Ю. Почекаев*) 131

На четвертой стороне обложки:
Лист 1 «Махапраджняпарамита хридая-сутры»
(«Божэ боломидо синь цзин») из коллекции
ИВР РАН (китайский фонд Nova, шифр Н 56)

Над номером работали:

Т.А. Аникеева
А.А. Ковалев
О.В. Мажидова
М.А. Унке
О.В. Волкова
Н.Н. Щигорева
Е.А. Пронина

Топоров В.Н. Пиндар и Ригведа: Гимны Пиндара и ведийские гимны как основа реконструкции индоевропейской гимновой традиции. — М.: РГГУ, 2012. — 216 с.

Рассматриваемая книга — плод одного из замыслов В.Н. Топорова, реализовать который полностью Владимиру Николаевичу помешала безвременная кончина. Тем не менее книга оставляет впечатление почти завершенной и вполне рационально организованной, что свидетельствует о том, с какой тщательностью подходил автор к работе над своими трудами.

Она поднимает тему, почти не исследованную ни в западной, ни тем более в отечественной филологической науке, — происхождение гимнической традиции у индоевропейских народов. В самом деле, исследуя культуру древнейших индоевропейцев, мы можем поставить вполне логичный вопрос: какие из культурных феноменов, нынешних и известных по историческим свидетельствам, достались индоевропейским народам от эпохи языкового единства в северном Причерноморье (или еще более ранних времен), а какие развились уже после разделения? Тема эта столь безбрежна, что для полного исследования ее нужны многие годы работы большого научного коллектива, однако книга В.Н. Топорова отчасти заполняет пробелы в нашем знании о древнейшей культуре того народа (или тех народов), от которых пошли и индоарии, и греки, и кельты, и славяне — словом, народы индоевропейского корня.

Раскрытые автором особенности индийской и древнегреческой гимнической традиции говорят о том, что гимнография существовала уже в эпоху индоевропейского языкового единства и характерные черты ее продолжили свое существование у позднейших индоевропейских народов, уже разошедшихся и потерявших контакт друг с другом. Ярчайшими образцами ее В.Н. Топоров считает Ригведу и гимны Пиндара, в которых находит множество черт, сходство которых вряд ли могло быть случайным. «Основное положение, выдвигаемое здесь, — пишет он, — состоит в том, что гимны Пиндара и гимны RV (Ригведы. — С.Б.) могут рассматриваться как разные, но не теряющие сходных признаков, отсылающих к общему индоевропейскому наследию, трансформации (в частности, и жанровые) этого исходного наследия. Иначе

говоря, и Пиндар, и RV понимаются как два отражения исходной мифопоэтической традиции, опознаваемой наиболее адекватно по сюжету, языку и отчасти стилю, но и по жанру (гимновая конструкция), хотя в принципе нельзя исключать, что перед нами в том и в другом случае жанровая трансформация некоего мифопоэтического нарратива (а если углубляться далее — совокупности соответствующих, близких к самодостаточности и кратких — по форме выражения — мотивов, которым еще только предстояло организоваться в целое сюжета)» (с. 23).

Одна из основных тем как ведийской, так и греческой гимнографической традиции — тема поединка, состязания и победы, и эта общность далеко не случайна, особенно если учесть, что реализуется она у Пиндара и в Ригведе очень по-разному. В ведийской гимнической традиции это тема поединка героя (будущего победителя) с противником, который в любом случае терпит поражение. Здесь цель поединка — именно победа и приносимые ею благие плоды (с. 24). Таков, например, поединок Индры и Вритры: змей, пленивший воды, изначально обречен на поражение — хотя бы уже потому, что Тваштар, создавая Вритру, в ходе жертвоприношения ошибся; ошибка была невелика, но, как известно, в ведийской уајѝа мелочей не бывает, и ударение, неправильно поставленное в мантре, привело к тому, что создание Тваштара в конце концов оказалось побеждено ведийским громовержцем. Иными словами, Вритра уже сотворен проигравшим. Для греческого же состязания «узел напряженности... в тревожном ожидании обнаружения божьей воли, потому что состязания, в чем бы они ни состояли — в „спорте“, военном деле, судебном разбирательстве или соревновании поэтов, — есть только варианты божьего суда» (с. 24). Тем не менее и в ведийской традиции наблюдается нечто подобное: «...в мистерии поединка Индры со своим противником, приуроченной к главному годовому ритуалу, его участники, зная, что Индра должен победить, не знают до последнего момента, что он действительно победит, как не знали этого потенциальные свидетели „перво-поединка“; именно такова религиозно-психологическая установка, и для участников ритуала важнее, что в ходе его выявляется победитель, чем то, что имя победителя — Индра» (с. 25).

Другой момент гимнографической традиции в Греции и Индии — понятие меры

(санскр. *mātrā*, греч. μέτρον), однако трактовки его у Пиндара и в гимнах Ригведы различны. У греческого поэта мера — предел, преступать который смертному не следует, ибо каждому положена своя доля («...всех безумий острее страсть о недоступном», — цитирует В.Н. Топоров Пиндара на с. 28), и здесь можно вспомнить известную греческую поговорку — то μέτρον ἄριστον («мера — наилучшее»). В ведийской же гимнографии мера — это то, что герой как раз *преступает*, превосходит, чтобы победить противника — победить *на пределе* собственных сил и возможностей. Но все это не отменяет общих черт, роднящих Пиндаровскую поэзию с творениями ведийских *риши*, и даже подчеркивает их. «Связь Пиндаровых од, особенно олимпийских, и ведийских гимнов, обращенных к Индре, не вызывает сомнений. Главным героем тех и других оказывается Громовержец, и действие концентрируется вокруг него. Оно происходит в пространственном центре и у предела времени, когда жизненные силы истощаются, уже на исходе, и тень смерти покрывает предстоящее» (с. 31). В принципе, если развить эту мысль, можно допустить, что последняя битва, в которой герой все-таки побеждает противника, уже сама по себе делает то место, где она совершается, центром Вселенной: здесь силы хаоса встречаются с упорядочивающей мир волей, в конце концов одолевающей их и возводящей организованный мир заново. То же самое можно видеть не только в Ригведе, но и, например (причем достаточно ярко), в Махабхарате, где поле Курукшетра оказывается местом последней битвы сил порядка и хаоса. При этом силы порядка уже почти истощены, герои прошли уже все возможные унижения и пребывают, образно говоря, в нижней точке своей жизненной траектории. Тем не менее они одерживают победу, в результате чего наступают мир и благоденствие в стране, которая управляется теперь носителями праведности. Сам В.Н. Топоров о Махабхарате не говорит (в книге он ставит перед собой немного другие задачи), но, во всяком случае, выводы, сделанные им, в значительной мере справедливы и для других литературных традиций.

Победа героя восхваляется в форме *песни* (греч. ᾠδή, ᾠδή), которая интересна тем, что она никогда не бывает ценностно-нейтральной: это всегда либо восхваление, либо поношение. (В ряде культурных традиций считалось, что все то, о чем говорится в «песни

поношения», претворяется в реальность. Так, в древнеирландской культуре в «песни поношения» (*glam dicenn*) адресату приписывались всевозможные моральные недостатки и физические дефекты, и, как полагали, исполнение песни приводит к тому, что эти недостатки у человека действительно появляются — например, стоило филиду описать человека в *glam dicenn* как слепого и хромого, как вскоре жертву и в самом деле достигали слепота и хромота.) Другая же особенность песни — это «звонкость», громкость, далекая (и долгая) слышимость результатов этой „речезвуковой“ деятельности» (с. 42). Песнь не просто сообщает о подвиге героя — она делает этот подвиг общеизвестным и утверждает его в памяти потомков; иными словами, это та «слава», которой искали и герои европейских средневековых сказаний. Фактически, добавив от себя, отсюда можно сделать вывод, что и оды Пиндара, и гимны Ригведы имели целью прежде всего *прославить* деяния своих героев, и мотивы, которыми руководствовался Индра, шагая на битву с Вритрой, были сходны с мотивами, побуждавшими князя Игоря идти воевать со степняками (вывод, конечно, достаточно радикальный, далеко не бесспорный и требующий еще специальной проверки).

Важна в этом контексте и этимология слова ἔμνος. Ему соответствует санскритское *sumná*, которое в ведийских гимнах обозначает молитву о милости. «Самое слово *sumná* двусоставно — *su* - ‘хорошо’ и *mná* - от *man-*, обозначающего некий смыслостроительный процесс, который совершается через „мышление“, воображение, припоминание, осуществляющиеся как озарение, вдохновение, творчество, которое сродни поэтическому» (с. 54). Sub specie чистой этимологии, таким образом, само слово ἔμνος родственно русскому «мнение», греческому μνῆμη, санскритскому *man* «знать, мыслить», *manas* «ум, сознание» и т.п. «*Sumná* — то особое состояние ума, мысли, „мнения“, души, сердца, которое определяется чувством положительного притяжения, благосклонности, благожелательности, и текст-молитва, просьба о достижении этого состояния, о милости, которую просят у богов» (с. 55). Это, по сути, молитва о *благомыслии* бога по отношению к молящемуся.

Таким образом, гимн — и у Пиндара, и в Ригведе — это мольба к божествам о милости и одновременно воспевание их благих качеств и подвигов, совершенных на пределе возможности и имевших результатом установление

или восстановление некоего идеального вселенского порядка. Собственно, можно допустить, что перечисление подвигов и совершенств уже само по себе представляет молитву, ибо призвано умиловать бога и напомнить ему, какие деяния он совершил, как он внес порядок в мир, и тем самым побудить его проявить милость еще раз — по отношению к молящемуся.

Особенно подчеркивается это одной особенностью мифологического образа Индры, как он дан в Ригведе: в гимнах повторяется, что Вритра был не просто убит Индрой, но раздроблен, расчленен, подобно «раскрошенному тростнику» (с. 73). Это нельзя уже назвать просто убийством противника. Убийство Вритры представляет собой полное его уничтожение и тем самым — шаг к обретению бессмертия, преодолению смерти, возрождению к полноте жизни (с. 74).

При этом В.Н. Топоров подмечает в ведийских гимнах один интересный момент — они «нередко обнаруживают присутствие глубокого и, вероятно, вполне сознательного параллелизма между творением мира (а миф о победе Индры над хтоническим Вритрой, несомненно, миф творения нового, упорядоченного, открытого, динамично-интенсивного мира) и творением текста об этом самом творении мира. И в том, что в подавляющем большинстве версий „основного“ мифа этот миф расчленяется на мотивы и даже на составные их части, кажется, следует видеть осуществление указанного выше принципа в рамках текста, который выстраивается из расчлененных на части, перемешанных и разбросанных частей мифа, пока он не становится новым и усиленным целым текста, к созданию которого — как бы по индукции — подключается и творческое сознание тех, кто воспринимает этот текст» (с. 74–75). Иными словами, сами гимны демонстрируют рефлексию авторов Ригведы на собственное творчество и их умение учитывать, как эти гимны отразятся в сознании адресатов — участников ведийского жертвоприношения. Гимны представляют собой не только описание некоторого события (скажем, убийство Индрой Вритры), но и описание самих этих гимнов, то есть *самоописание*. Здесь В.Н. Топоров вводит понятие *автометаописания*, под которым понимается «некое иное описание самого себя через обращение на явное, открытое любому воспринимателю текста сообщение о некоем событии» (с. 70).

Однако двухуровневость гимнов Ригведы не ограничивается различием описания события и описания самого этого описания. Они двухуровневые еще и в другом смысле: событие, о котором говорится в гимне, отсылает к другому событию — прецеденту, в свете которого данное событие объясняется и обретает смысл. Таким прецедентом является сотворение мира, и каждое новое начало, обновление мира представляет собой отсылку к этому «первособытию» (с. 79). В этом заключается важное различие между гимнами Ригведы и Пиндара: в греческой гимнической поэзии акцент ставится не на том, что было когда-то, а прежде всего на том, что происходит сейчас (с. 80). Однако в обоих случаях оппозиция старого и нового (которое обретает смысл в свете старого) сохраняется и играет важную роль в построении гимна. Новая победа, которой добивается герой, тем самым выступает, по существу, знаком древнего события, воспроизводящегося в ней.

Победа над силами хаоса, воспеваемая в гимне, — это, как было сказано выше, установление благого и совершенного порядка, *та*, и само слово, обозначающее его, этимологически родственно греческим *harmā* «упряжка, колесница», *harmozo* «скреплять, сплачивать, прилаживать», *harmonia* «скрепление, связь, соглашение, договор, установление, порядок, душевный склад, слаженность, соразмерность» и т.п. (с. 107–108). К тому же индоевропейскому корню исходят и русское слово «ярмо», латинское *arma* «снаряжение, оружие», тохарское *uarm* «мерка». «Все эти слова довольно очевидно связаны с и.-евр. **ar-/*r-*, обозначающим действие приведения в движение, поднятия, прилаживания, скрепления, соединения и т.п. Древнегреческие примеры, как и вед. **ar-/*r-*, хорошо сохраняют эту семантику и в ряде случаев помогают наметить дополнительные пары греко-арийских соответствий, о чем писалось в другом месте. Еще одну такую параллель можно видеть в паре *ἀρτή*, — вед. *та* (ср. др.-перс. *arta-*, авест. *aša*), связанное с идеей порядка, соразмерности, правильности, подлости, истинности и т.д. Это слово *та*- обозначает, пожалуй, самое ключевое понятие ведийской модели мира, определяющее безопасное и надежное существование и функционирование и макро- и микрокосма... Понять *та-*, принять и усвоить себе, значит стать человеком высшей добродетели, высших нравственных качеств — *ἀρτή*, если перевести этот ведийский термин

на греческий язык» (с. 111–112). Таким образом, в гимнографических традициях ведийских арьев и древних греков, по существу, воспевается герой, устанавливающий священный мировой порядок, тождественный порядку нравственному, и это становится возможным лишь потому, что он сам несет этот порядок в себе и в соответствии с ним перестраивает хаотический, неорганизованный или неправильно организованный мир. Он, если угодно, вносит гармонию, внутреннюю слаженность и внешнее соответствие в мир, раздираемый противоречиями.

Между Пиндаром и Ригведой, однако, есть и еще одно различие: в первом случае победитель — человек, именно он непосредственно вносит в мир гармонию, тогда как во втором случае непосредственным субъектом гармонизации мира выступает бог. Тем не менее бог-победитель в пиндаровских гимнах все же неявно присутствует — в текстах Пиндара достаточно намеков на победу бога, хотя сам по себе он выведен за рамки гимна. В то же время в индийской традиции человек начинает изображаться как герой и победитель сравнительно поздно (с. 117). А кроме того, «в ведийском первичным является глагол *jī-* ‘побеждать’, а оба обозначения победы вторичны и отглагольны. В древнегреческом, наоборот, первично существительное *νίκη*, а глагол *νικάω* ‘побеждать’ представляет собою вторичное деноминативное образование. Можно думать, что за этим „формальным“ различием в действительности стояло многое» (с. 118). При этом В.Н. Топоров обращает внимание на один примечательный момент в этимологии слова *νίκη*: оно всегда связано с низом, глубинами и восходит к тому же индоевропейскому корню, что русские «никнуть», «ничком», литовское *nykti* «хиреть, пропадать, чахнуть», древнеанглийское *nihol* «наклонный, склонившийся». «В отличие от ведийского обозначения победы, отсылающего к восходящему движению и жизни, др.-греч. *νίκη* напоминает о низе (ср. др.-инд. *ni-*, *nīśā*, *nīśānā* и др.) как месте смерти и царства мертвых, во всяком случае, для той эпохи, когда это слово оформлялось и языковые мотивировки были еще ясны. В этом контексте *νίκη* — победа в том же самом смысле, что и др.-русск. побѣда — унижение, несчастье, унижение побежденного при торжестве победителя, субъекта унижающе-уничтожающего действия» (с. 124). Иными словами, герой, как подчеркивается в гимнах, не просто берет верх над

своим противником, но тем самым принижает его, повергает его наземь, и сама этимология греческого языка заставляет авторов гимнов подчеркивать именно эту сторону победы, тогда как ведийские гимны, напротив, по таким же этимологическим причинам выделяют победителя, а не побежденного, именно к победителю, а не к побежденному привлекают внимание слушателей.

Естественно, победа никогда не дается без труда, однако в наших современных разговорах об этом люди порой склонны подчеркивать *легкость* победы: это как бы доказывает силу победителя — он настолько силен, что уложил противника на лопатки почти без усилий, «одной левой». Для культуры же древнегреческой и ведийской такое было невозможно. Это очевидным образом следует из того, что, как говорилось выше, герой всегда вынужден сражаться на самом пределе возможностей, из последних сил. Само выражение «легкая победа» было бы воспринято слушателями Пиндара как *contradictio in adjecto*, как выражение типа «деревянное железо». Победа в этом смысле есть компенсация за труд (с. 151–153). «Победе в состязании предшествует труд, труду же — наличие некоего дефицита, в наиболее чистом виде — акт смерти, которая как раз и искупается-выкупается состязательным трудом», а «сами состязания имели функцию испытания (*πεῖρα*, слово, хорошо известное Пиндару), своего рода инициации, т.е. того ритуала, в котором происходит как бы соединение-слияние, растворение друг в друге жизни и смерти, победы и поражения» (с. 161). Иначе говоря, герой потому и становится героем, что демонстрирует пределы своих сил, и пределы эти поистине велики, если позволяют ему достичь превосходства над серьезным соперником в атлетическом состязании или (тем более) убить страшного демона. Побеждая Вритру, Индра являет миру свою мощь и тем самым подтверждает свой статус божества — более того, *верховного* божества в ведийском пантеоне.

В.Н. Топоров, таким образом, показывает в своей книге лишь одну из тем гимнографических традиций Древней Греции и Древней Индии, но чрезвычайно важную — тему победы над врагом, соперником, имеющим, возможно, демоническую природу, в силу чего победа над ним обретает космическое измерение, становясь событием, вносящим в мир сакральный порядок. Однако и без этого тема победы выступает в гимнах — равно индий-

ских и греческих — одним из центральных мотивов, ибо в них прославляются сила и мощь героя, прошедшего тяжкие испытания, потребовавшие от него напряжения всех сил. Победа, труд и слава оказываются в гимнографических традициях Индии и Греции понятиями взаимосвязанными — первая невозможна без второго и прославляет героя, делая его носителем тех нравственных совершенств, которые общество требует от своих членов.

Разумеется, поскольку книга не была завершена автором и представляет собой черновой текст, в котором, как пишет в предисловии редактор издания Н.П. Гринцер, недостает еще нескольких глав, последние фрагменты книги кажутся мало связанными с основным текстом. Однако это ставит перед читателями книги проблемы, которые сам В.Н. Топоров решить не успел. Так, требует отдельного анализа метрика пиндаровского стиха и Ригведы. Не менее интересным представляется исследование феномена *дакишны*, которую обычно понимают как простую плату жрецу: автор книги подчеркивает, что платой *дакишна* как раз не является — она представляет собой *выкуп*, которым жертвователю выкупает себя у жреца (с. 185). Эта тема перекликается во многом с анализом понятия «долг» (*ṛṇa*) в ведийской религии, проведенным французским индологом Ш. Маламудом в своей известной книге «Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии». Словом, книга В.Н. Топорова, будучи, несмотря на черновой характер, глубоким и подробным исследованием, все же оставляет простор для дальнейшей работы — для *подвига* и *победы*, которую нам предстоит, в полном соответствии с идеями, изложенными в книге, одержать *на пределе возможностей* и тем снискать себе, возможно, *широкую славу*.

С.Л. Бурмистров

Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов / Введ., биограф., коммент., сост. и ред. И.В. Ерофеевой. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. — 696 с.; т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. — 1032 с. — Алматы: АО «АБДИ Компани», 2014.

В 2014 г. произошло событие, которое, без сомнения, можно назвать прорывом в изучении истории Казахстана и русско-казахских

отношений XVIII — начала XIX в.: опубликовано фундаментальное двухтомное издание, содержащее более 800 посланий казахских правителей монархам, представителям центральных и региональных властей Российской и Цинской империй, ханам Джунгарского и Калмыцкого ханств. Из 811 документов только 164 были опубликованы ранее, тогда как остальные вводятся в научный оборот впервые. Составителем и редактором сборника документов, а также автором введения, биографических очерков, ряда исследовательских приложений и комментариев является Ирина Викторовна Ерофеева — признанный на международном уровне специалист по истории Казахстана и казахско-русских отношений XVIII в., автор ряда монографических исследований, множества статей и докладов по данной тематике.

Безусловно, нельзя сказать, что это первая публикация документов подобного рода: отдельные грамоты и послания казахских ханов и султанов различным адресатам издавались уже в XIX в., правда в труднодоступной сегодня региональной периодике («Астраханский листок», «Оренбургский листок», «Томские губернские ведомости» и т.д.). Также некоторые документы вошли в работы, посвященные проблемам истории российской политики в Казахстане, подготовленные во второй половине XIX — начале XX в., в частности В.В. Вельяминовым-Зерновым, И.И. Крафтом, А. Харузиным, Н. Коншиным, А.И. Добромысловым и др.

В советский период издание казахских дипломатических актов приобрело более систематизированный характер, и уже целые подборки их были опубликованы в тематических сборниках. В 1940-е годы вышли два тома «Материалов по истории Казахской ССР», в 1960 г. — первый том «Материалов по истории политического строя Казахстана», в 1961 и 1964 гг. — два тома документов и материалов «Казахско-русские отношения», в 1989 г. — двухтомное собрание «Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII — первая треть XIX в.». Значительная подборка документов, включающая послания ханов и султанов, содержится в приложении к исследованию Б.С. Сулейменова и В.Я. Басина «Казахстан в составе России в XVIII — начале XX века» (Алма-Ата, 1981). Отдельные послания публиковались и в других тематических сборниках, не имевших прямого отношения к истории Казахстана, — например,